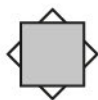

Николай
Задорнов

МОГУСЮМКА И ГУРЬЯНЫЧ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 15

Оформление обложки Валерия Гореликова

Задорнов Н.

З 15 Могусюмка и Гурияныч : повесть / Николай Задорнов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-389-33993-4

Николай Павлович Задорнов (1909–1992) — известный автор исторических романов, повествующих об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами, а также масштабного цикла о путешествии адмирала Е. В. Путятина к берегам Японии («Сага о русских аргонавтах»). Повесть «Могусюмка и Гурияныч» принадлежит к раннему творчеству писателя. Это увлекательная история о жизни Южного Урала конца XIX века, о дружбе русского и башкирского народов, представленных в лице двух героев своего времени: благородного разбойника Могусюма, наводившего ужас на жадных богачей, и могучего рабочего Гурияна с Белорецкого завода, который вынужден скрываться в уральских лесах после убийства жестокого начальника. Читатель найдет в книге красочные описания южноуральской природы и башкирской степи, приключения, любовь, важные исторические события, представленные со скрупулезной точностью. Недаром повесть «Могусюмка и Гурияныч» принято сравнивать с произведениями Льва Толстого «Хаджи-Мурат» и «Казак».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33993-4

© Н. П. Задорнов (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава 1

ГРОЗА

Саксачьи овчины, тяжелые цибики чая, канаусовые¹ ткани, выбойку, верблюжью шерсть тюками, шерстяные ковры азиатской работы закупил Захар Булавин у бухарцев и киргизов.

Насмотрелся на ярмарке разных чужестранных товаров, привезенных из-за степи меднолицыми купцами в тюбетейках и полосатых халатах. Ездил для потехи на верблюде, ходил на басурманскую гулянку слушать горестную протяжную плясовую с барабанным боем. Но озорства избегал и пьяным, как другие уральские купцы, не напивался.

...В воздухе парило, влажный жар томил путников, кони ленились бежать рысью. Долина стрекотала тысячами звуков. За лугом виднелись горные вершины, увенчанные округлым каменистым куполом — Яман-Таш, как старинной татарской шапкой.

После смерти родителя, лавочника, возившего по башкирским деревням и в заводской поселок цветные ситцы, краски для самотканых сукон и холстов, наследник его поставил дело по-своему. Старую лачугу сломал, взял из конторы отцовский капитал, лежавший у завода на сохранении, пустил деньги в оборот.

На базаре выстроил новую лавку, заказал мастеру торгового сарая² в заводе железные створки и болты для

¹ *Канаус* — плотная шелковая ткань.

² То есть механического цеха.

дверей и окон, закупил под Косотуром на Златоустовском заводе тяжелые замки.

Поставил в новом селении пятистенный дом с горницей в четыре окна. Зажил с молодой женой на славу.

Начал ездить на сибирские ярмарки. Из Ирбита привез материй с узорами, янтарных бус, кашемировых шалей.

Возвратился домой на завод, распродал товары и заработал чистыми по восемь гривен на рубль.

Удача окрылила его. Хотелось еще хватить денег, охота была поглядеть чужие стороны. Забрал с собой приказчика, покатил в степь.

Отвез Захар на продажу полосового железа. В обратный путь на меновом дворе загрузил наемные подводы низовских мужиков красным товаром. Низовцы — жители околзаводской деревни. Заводские говорят про них, что это народ-зверь.

Свой человек — приказчик Санка — присматривает за отставшим в пути обозом. Был он еще мальчиком привезен на завод отцом Захара из чужих краев. Вырос Санка в доме у Булавиных и на всю жизнь приучен был благодарить хозяев за кусок хлеба.

— Лучше чужого в лавке держать, чем наших варнаков¹, — говорил покойный лавочник, — здешних к своей лавке не приучишь.

Вырос Санка верным приказчиком Булавина. Был он человек сильный, способный по суткам работать без усталости. В дороге при перевозках умел сохранить товар, а в лавке был незаменим: торговал быстро и ловко, хорошо умел считать, знал, с кем и как надо обойтись.

...Тройка остановилась. Лошади махали головами, взмыленные, усталые от подъема на холм. Начались лесистые отроги восточного склона хребта.

— Нынче придет мой обоз, народ сбегится смотреть на товары, богатые башкиры глаза проглядят и без обно-

¹ Варнак — каторжник.

вы не уйдут из лавки. Это им не владимирский офеня... Конец приходит сарпинщикам, коснякам, венгерцам...¹

...С вершины по крутому спуску тройка пошла упираясь, весело рванула у подножия, и тарантас покатился по накатанной пыльной дороге. Въехали в кустарник. Прозрачный ключ струился в чаще черемушника. Ветви низко нависли над головами. Ямщик хватал их и отгибал в стороны.

Из прохладной пади поднимались в гору вязкой от песка дорогой по опушке соснового леса.

Подул свежий ветер. Закачались ветвистые бровицы. Кустарник на обрывах гнулся к земле.

Из-за леса поползли облака, подернутые синевой. Небо обволакивалось со всех сторон.

— Быть дождю, — проговорил Захар. — Останови-ка коней, — тронул он кучера и полез из тарантаса. Разгреб сено, достал дорожный чепан² крестьянской шерсти.

Ямщик проворно слез с облучка и суетливо пособлял купцу одеваться. Помог Захару залезть обратно, сам надел старый армяк³, перепоясался мочальной веревкой, вскочил на место, тронул вожжами коней, озираясь на небо.

— Ну-ка, пошли...

Ветер налетал рывками, шумы волнами заходили в вершинах, деревья застонали, зашатались, лес зарокотал. Солнце скрылось, и небо затянуло тучами. Все кругом потемнело.

Издалека послышался раскат грома.

— Гроза, — молвил ямщик, оборачивая бородатое лицо.

— Вороти к Трофиму на кордон, — приказал Булавин.

Мужик приударил по коням. На перекрестке свернул с большой дороги на проселок.

¹ *Офени, сарпинщики, косняки, венгерцы* — названия бродячих торговцев.

² *Чепан* — крестьянская верхняя одежда.

³ *Армяк* — верхняя крестьянская и купеческая одежда.

Снова прогремел гром. Купец и крестьянин, сняв шапки, перекрестились. Из-за каменных гребней гор появилось черное облако. Захар, ухватившись за кушак возницы, оглядывал небо.

По краям грозовой тучи плясали лохматые обрывки облаков. Туча шла низко и быстро. Вокруг становилось все темней и темней.

Избушка лесника была недалеко, и дорогу кучер знал хорошо. Не впервой завозил он путников к Трофиму.

— Но-но, лодырь, ходи, — дернул старик коренника¹.

Не закончил он последнего слова, как молния переполоснула тучу наискось, разбежалась зигзагами вниз, столб огня упал в чащу леса, и недалеко от проселка треснула и запылала высоченная кондовая лесина. Гром покатился по всей туче и грянул над тарантасом купца коротко, но с такой силой, словно на небе выстрелили из громадной пушки.

Кони шарахнулись в сторону.

— Ну-ну, окайные, запугались! — хрипло кричал ямщик.

Нахлестанная тройка помчалась вперед. Тарантас затрещал на колдобинах и буераках. Слышно было, как по лесу приближался ливень. Пылающая сосна озаряла дорогу красноватыми отблесками.

Вот туча начала заволакиваться дождем, западали, зачастили крупные капли, снова сверкнула молния, грянул гром.

Тарантас вылетел на поляну. За протокой чернела избушка лесника. Тройка неслась к жилью, кони летели во всю прыть, чуя пристанище. Ямщик только натягивал вожжи.

Налетел ливень, захлестал потоками воды, заплескался в тарантасе. Дорожный чепан Булавина и армяк возницы мгновенно вымокли.

¹ *Коренник* — средняя лошадь в тройке.

Проехали мостик через рукав речки — лесник жил как бы на островке, — остановились у сторожки. Трофим, седой, но еще крепкий старик, выбежал встречать путников, накрыв голову и спину мешковиной.

— Здравствуй, здравствуй, любезный! Скорее в избу пожалуй, а тут уж мы с ямщиком управимся, — приговаривал он, помогая купцу выбраться из тележки.

Дождь хлестал вовсю. Булавин захватил кожаную сумку с деньгами и дорожными вещами, скинул в сенях намокший чепан и вошел в избу.

Там были двое башкир, незнакомых Булавину. Один из них лежал на лавке. Он с тревогой привстал, когда вошел Захар. Лицо у него рябое, а черные густые брови у переносицы приподнялись вверх, отчего выражение лица было жалобное. Оглядев купца, он успокоился и снова прилег, повернувшись лицом к стене.

Другой сидел на полу у печи и озабоченно осматривал старое кремневое ружье. Краснощекое лицо его выражало энергию и упорство. Близ табурета лежали мешочки с порохом и с пулями, шомпол, пыжи, сумка, охотничий нож. Все изобличало в нем охотника, завернувшего на перепутье к старому зверобою Трофиму, у которого было много друзей среди окрестных башкир.

Захар перекрестился на иконы и, не здороваясь с незнакомцами, пролез за стол, открыл сумку — проверить, не замочило ли дождем перепись товаров, купленных на ярмарке.

Захар был грамотный. Мальчиком он учился в крепостной школе, где из детей заводских крестьян готовили служащих конторы. После закрытия крепостной школы Захара за тридцать копеек в год доучивал церковный пономарь.

Вошел лесник, широкогрудый, коренастый старик с окладистой бородой.

— Давненько не заглядывал к старику, Захар Андреч! Все в своем занятии. Ну, рассказывай, откуда едешь,

а я тебе пошабашить соберу щец да каши, баба-то у меня в лесу, с утра ушла, да, видно, бурю в шиханах¹ просидит.

Из русской печки лесник вытащил горшок со щами, сунул в него деревянную ложку, накрыл широким ломтем хлеба — подал гостю.

— Чем бог послал, не обессудь, Захар Андреич.

— С ярмарки еду, Трофим, с ярмарки, да от непогоды к тебе завернул, а то к ночи хотели быть на заводе, — окая, заговорил Захар.

— Да что ты, любезный, по ночам хребтом теперь не езда. Не ровен час, Могусямка с башкирцами, слышно, опять в нашей стороне появился.

Снова ударил гром. Лесник и купец невольно взглянули в крошечное окно. Ливень лил с прежней силой. Избушка вздрагивала от порывов ветра.

— Могусямка нам не опасен, — отвечал купец. — Он у нас на заводе ходит открыто, ему наших трогать не расчет. Могусямка лошадьми живет, от него лошадиникам беда, богатым башкирам, а на заводе какие кони...

— Не говори, Захар Андреич, давеча под Куркаркой на караван налет был. Нынче по кочевкам ездили городские, читали бумагу: кто изловит Могусямку, тому награду обещают.

— Разве поймают? — усмехнулся Захар. — Он ловкий...

...Дверь отворилась, в избу вошел ямщик. Захар отдал ему остатки щей. Старик уселся у двери, поставил горшок на колени и жадно хлебал варево. Трофим подал кашу.

— А я ныне на сохатых ходил — тебя вспоминал... Под Арвяком на солончаках каждый раз встречаю то табун, то в одиночку. Солонцы лизать приходят. Отдыхай от ярмарки, да поедem зверя бить в урман². А, Андреич, как бывало?

Снова налетел порыв ветра.

¹ Шиханы — горы в Башкирском Предуралье.

² Урман — лес.

В лесу раздался треск, и слышно было, как падала лесина. Треск повторился снова и снова, по лесу деревья валились наземь, и гул от падения пошел по тайге. Дождь затих на мгновение и вдруг полил с новой силой.

— Бушует, — молвил Трофим. — Вот с Хибетом собрался на охоту нынче, — кивнул он на башкира с ружьем. — На Бердагуловском курене житья не стало от медведей. Что ни ночь — то конь задранный. Куренный обещает нам с Хибеткой награду от заводской конторы, если зверей отвадим. Хибет, выбьем, что ли, косолапых?

Тот, кого называли Хибетом, положил ружье на скрещенные ноги, поднял голову и, прежде чем начал говорить, улыбнулся. Лицо его, за миг до этого озабоченное и суровое, мгновенно преобразилось. Глаза сощурились и заблестели лукавством.

— Ружьем стреляем, конечно, возьмем. Зверь куда дается? Наш будет, — молвил он.

— Хибет отчаянный, жизни не жалеет, — говорил Трофим. — Дед у него старик теперь, уж на охоту не ходит. Был Хибет еще мальчишкой, и дед был малость помоложе, так учил его с рогатиной брать зверя. Одна у нас беда, — хлопнул он по плечу охотника, — как деньги в кармане, так на завод: накупит вина и куролесит. Кругом нынче башкиры пьяницы пошли. Своего закона не уважают. Зря контора водкой торгует.

Хибет смущенно отвернулся и снова занялся ружьем.

— Отец у него Бикбай... Знаешь? Иван, ты, поди, знаешь?

— Как же, знаю старого Бикбая, — ответил ямщик. Но знает ли Хибетку — не сказал.

— У Бикбая кочевка недалеко, где башкирская земля начинается. Он теперь совсем переехать хочет. У него шалашик был тут прежде, приезжал только на лето, а нынче лес заготовил, хочет юрту строить. Поближе к заводу...

Трофим зажег лучину. Гроза проходила. Ветер стихал, гром гремел в отдалении. Дождь еще лил, но не так сильно.

Башкирин, спавший на лавке, зашевелился.

— Это кто у тебя? — спросил Захар.

— Проезжий человек. Видно, из дальних башкир, да не то больной, не то напуганный, все молчит да в углы жмется.

Башкирин на лавке поднялся. Жалобное рябое лицо его, помятое после сна, казалось еще более безобразным.

— Куда едешь? — спросил его Захар.

Тот развел руками и не ответил.

— Чего это ты?

— Бельмэем¹, — отвечал башкирин.

— Ну-ка, Иван, — молвил купец ямщику, — спроси, откуда он, куда едет.

Ямщик Иван был родом из Низовки, где все мужики толково объяснялись по-башкирски. Он спросил проезжего: тот что-то буркнул в ответ, поклонился леснику и вышел из избы.

— Озорной башкирец, не хочет отвечать, — сказал Иван.

Захар больше не любопытствовал и стал готовиться ко сну. Из сеней принес чепан, развесил на печи, снял со стены и постелил на лавке полушубок, положил в голову дорожную сумку, снял поддевку, стал молиться на обрза.

Хибетка кончил возиться с ружьем и устраивался спать на полу у печки. Пока купец молился, Хибетка затих, чтоб не отвлекать русского. Лучина гасла, в избе стало темно. Дождь стихал. Помолившись, Захар раззулся, лег на лавку, укрылся поддевкой.

Тряская дорога, ливень, буря, лесной пожар утомили купца.

«А жаль, что не добрался ночью до завода», — подумал Захар и представил себе, как бы он приехал на завод, постучал бы в ставень и как бы встретила его жена...

¹ Не понимаю (*башк.*).

У него для Настасьи сережки дорогие куплены у московских купцов на ярмарке.

Сквозь дремоту слышал, как, хлюпая копытами по лужам, кто-то проехал мимо дома.

«Башкирец-то, верно, озорной, если ночью в путь торопится. И конь-то его, поди, ворованный», — мелькали у Захара обрывки мыслей.

Дверь скрипнула. Лесник зашел, задул лучину, кряхтя полез на голбец. Кучер храпел в ногах у Булавина, Хибет ворочался возле печки.

Снова вспомнил о Настасье. Представилось ему, будто плывет она в лодке по пруду. Феклуша гребет, а Настасья правит.

Потом вдруг ударил огонь с неба и попал в новую лавку.

«Слава богу, что обоз-то не пришел домой, а то бы все товары погорели!» — подумал Захар и побежал за водой к колодцу, но и оттуда вылетело пламя. А кругом дома загораются, и выхода нет с улицы...

— Андреич, родимый, проснись-ка, — шевелил купца в потемках кучер.

— Чего тебе? — очнулся Булавин.

— Непокойно здесь, возле кордона в лесу недобрые башкирцы. Ты уж не засыпай, как бы худо не было...

Захар приподнялся, присел на лавке.

— Вышел я коней проведать, — продолжал мужик, — слышу, за протокой разговор. Я в стайке притаился. Слушаю: Хибета нашего расспрашивают про какого-то Гейниатку: куда, мол, и откуда проехал? Хибет им объясняет: мол, с вечера грозу пересидел у лесника, а уехал к ночи поздно, как прошла буря. Чую, недобрые люди. По разговору видать... Хибетка у них свой человек в здешних лесах. Либо конокрады, либо разбойники. После спрашивали Хибета, кто в избе ночует. Как он сказал, что купец с ярмарки едет, я кинулся тебя будить. Да уж больно крепок ты спать. Этак ограбят, а ты и не услышишь.

— Много их? — пришел в себя Булавин.

— В потемках не видать, а по голосам — человек пять или шесть, а может быть, и больше.

Захар стал всматриваться в окно. Дождь кончился. На небе ярко светили звезды. В лесу было темно. Черные иглистые ветви елей висели над рекой. По берегу, к мосткам — Захар различил — приближалась ватага людей.

На полатах завозился Трофим.

Булавин отвернулся от окна, пошарил под лавкой, нащупал сапоги, обулся.

Ямщик сидел здесь же на скамейке.

— Ну, Иван, — сказал купец, — наше дело держать ухо востро.

— Зря тревожишься, почтенный, — раздался с полатей голос лесника.

Он торопливо стал слезать, зашлепал босыми ногами по полу.

— Хибет — надежный парень. У башкирцев промеж себя свои дела идут, нам от них не беда. Не встречай их в темном лесу на хребте, а в моей избе от них худа не будет. Я их сейчас погоню. Вам, низовцам окаянным, — обратился он к ямщику, — всюду воры да беда, а сами-то... Ты не тревожься, Захар Андреич, я живо их успокою. — И лесник босой выбежал из избы.

В окне при свете звезд видно было, как он перешел мосток и присоединился к башкирам. Они долго разговаривали, размахивая руками, потом двое отбежали в лес, вывели лошадей. Башкиры вскочили в седла, и вся ватага поскакала через мосток к дому.

— Шабаш, Андреич, пропали!.. — завопил Иван и кинулся закрывать дверь.

— Будет дичать-то, — схватил мужика за ворот Захар. — Сиди помалкивай.

Всадники от мостка свернули в сторону и промчались берегом. Там, где протока сошлась на отмелях с главным руслом, перебрали реку, и вскоре их черные силуэты слились с дремучим лесом на другом берегу.

Трофим и Хибет возвращались молча. Оба прошли за угол избы.

Прокричал петух.

— Ну слава богу, пронесло! — с облегчением молвил крестьянин. — А все-таки люди недобрые, да и за лешим-то Трофимом слава нехорошая ходит! Я сам не верил, думал, наша Низовка зря баласничает, ан и верно: с волками жить — по-волчьи выть...

— Либо съедену быть, — шутливо добавил Захар, довольный, что все обошлось благополучно.

Из сеней в избу вошел лесник.

— Хибетка где? — спросил Иван.

Трофим молчал. Мимо окна верхом на резвой лошаденке бойко проскакал вслед конной ватаге Хибет.

Захар проводил его взором и стал разуваться.

— Ложись, Иван, зря от тебя беспокойство, — сказал лесник и полез на полати. — Почивай, Захар Андреич, не тревожься. Я тебе говорю, спи спокойно.

— Спать-то спи, да глаз не смыкай... — ворчал в темноте Иван.

— Храпи, Низовка!..

В избе затихли.

Лесник поворочался на полатах.

— Наше место свято, — усмехнулся он.

Глава 2

ТАШ-КУШАК

На другой день солнце перевалило за полдень, когда взмыленные, уставшие кони затащили тарантас Захара на вершину хребта под самые утесы.

Отсюда видно далеко вокруг. Внизу прогалины зеленили лугами, а дальше во все стороны тянулись бесконечные горные кряжи, сплошь поросшие дремучим красноельем. Только каменные венцы хребтов белеют над тайгой.

— После ненастья-то как выведрило... — обвел рукой небо Иван.

— А ну, остановись, — тронул его Булавин.

У него ноги затекли от сидения, и захотелось поразмяться.

По вершине хребта на много верст сплошным каменным поясом простерлись отвесные обнажения известняков. Башкиры в старину так и называли весь хребет: Таш-Кушак — Каменный Пояс. Через узкий естественный пролом в скалах проходила единственная дорога из города на завод. Около въезда в него под крутизной, в сырой тени угрюмого гребня и стала тройка.

— Обожди, Иван, я на Каменку испить схожу.

— Смотри-ка там... Михайло-то Иваныч в малинниках, поди, уж дожидает! — крикнул вдогонку кучер.

Встреча со зверьями неподалеку от большой дороги в те времена на Урале не была редкостью.

Захар полез с дороги в чащу. Сначала он шел по высокой и густой траве, влажной от вчерашнего ливня. Полуденное солнце высушило деревья, но земля еще была мокрой и топкой, как болото. Кое-где попадались вывороченные бурей лесины. Ураган с бешеной силой свирепствовал вчера здесь, на вершине хребта.

Дойдя до приметной скалы, стоявшей особняком от гребня, как каланча у заводской церкви, Захар обогнул ее и забрался на россыпь. Это и была Каменка, широкая «каменная река» — лавина обломков скал, задавившая полосу хребта от венца до подошвы.

Захар по шуму воды отыскал скрытый под россыпью падун и, прыгая по замшелым плитам, двинулся вверх. Вскоре он достиг глубокого провала меж тусклых розовых глыб. На дне его бил родник и ускользал под камни к невидимому потоку, таинственно и глухо бурлящему где-то в глубине россыпи.

Булавин осторожно слез и, утвердившись на шершавых каменюках, стал пить и умываться. Тут до слуха его

явственно донесся стук копыт и крики. «Что за чертовщина, — подумал Захар, — откуда тут люди взялись?»

Он осторожно выглянул из провала и осмотрелся. На обрывистом выступе гребня, как раз над Захаром, появился смуглолицый всадник в белом башкирском кафтане. Захар узнал его. Это был Могусюмка. К нему подъехали двое вооруженных башкир в мохнатых шапках. Один из них протяжно заклекотал. Все трое некоторое время всматривались в даль, переговариваясь между собой.

Из леса ответил рог. Всадники резко завернули коней, зарысили над обрывом по каменному гребню Урала и вскоре скрылись за скалами. А с другой стороны, за россыпью, в чаще затрепал хворост, послышались голоса.

Захар торопился к тарантасу. Чтобы не выказывать себя трусом, он вылез из провала и пошел по россыпи, время от времени перепрыгивая с камня на камень.

«Нет, быть не может, чтобы они на меня напали. Разве только не узнают?» — подумал он и поежился, чувствуя, что, не разобравшись, могут влечь заряд в спину. Тут он быстро перебежал по россыпи и спрыгнул в чащу. Разыскал свой же след и по примятой траве пошел к дороге.

«Якорь его задери! Могусюмка у самой дороги стоит. Как бы не пограбил мои товары. Чем черт не шутит. Дружба дружбой, а табачок врозь. И ежели попадет им мой Санка с товаром, как бы не быть худу. Ведь раз на раз не приходится».

Захар вылез из зарослей на дорогу как раз в том месте, куда глядел, ожидая его, ямщик.

— Ну, Иван, давай погоняй! — сказал он, проворно залезая в кузов. — Трогай, да шибче.

— Эй, вы, эй, пошли!.. — подхлестывал кучер пристяжных. Отдохнувшие лошади весело побежали по ровной дороге в ущелье. Черные, изветренные утесы, обросшие мхом и лишаями, повисли над головой. Через пролом выехали к другому склону. За грядой лесистых холмов стал виден завод.

Ярко синел просторный пруд, виднелись плотины с белыми водопадами, избенки рабочих. У моста густо дымит почерневшее от времени кирпичное «плавильное заведение» в две печи. За прудом, у нижнего поселка, на взлобке сопки деревянная церквушка с отдельной звонницей.

Верхнего поселка, где живут Булавины, за ближним лесом не видно...

— Ну слава богу, скоро и дома, — молвил Иван.

— Обожди хвалиться, не доехал...

— Да уж тут рукой подать. Сколько мы с тобой, Андреич, отмахали?

— Да ты поторопись, Иван, поторопись.

Кучер подергал вожжой, помахал кнутом.

— Да, путь далекий... Бог милостив, авось целы-здоровы домой воротимся. Довезу тебя да подамся в Низовку. Давненько дома не был. Обозных дожидать не буду.

— Не боишься?

— Под Ломовкой кого бояться! Лихие люди нашу деревню объезжают... Конокрадов сами ловим. Лошадь пропадет — наши низовские под водой сыщут. Нынче и не слышать, будто бы потише стало на нашей дороге. Да и Низовка теперь не та, что раньше. Мужики ружьями обзаводятся. Только ружей хороших нет: не продают нигде. Да и народу прибавилось: богачи у нас работников держат.

— А башкиры батрачат? Мне Акинфий сказывал: башкиры к нему нанимались.

— Есть и башкиры, но более заводские. Завод-то ведь вот... Я мальчонкой был, так он с той поры все одинаковый стоит. Народу прибавляется, а работа все та же. Парни-то и идут к низовцам в батраки. Да... Низовка растет, богатеет. — Он щелкнул кнутом по оводу, впившемся в холку коренника, потом сел на облучок боком. — А тебе, Захар Андреич, надобно бы лавку открыть у нас. Что твой Санка? Ну заедет перед праздником. Покуда

малец-то распряжет лошадь, да обедет Низовку, да прокричит во все избы, что торговец приехал, — ан товаруто и нету... После за всякой мелочью низовцу опять в завод на базар собираться.

— Народ у вас, Иван, неладный, — хитро сказал Булавин. — Мне еще отец покойный заказал беречься, как поеду торговать с Низовкой.

— Что ты, Андреич, да разве отцова торговля тебе пример! Старик, царство ему небесное, слова худого о нем не скажу, хороший был человек, но против тебя куда мельче в торговом деле. Ему лавкой хозяйничать, а твое дело — магазин! А про низовцев напраслину несут. Нет чтоб осмотреть нашу жизнь толково, понять, как она течет, как это деревня обзаводится скотом, конями. А урман корчем, пашни на диких угорьях пашем, лесовщину рубим... уголь жгем... Но, конечно, уж зато за свое добро подеремся, не трожь...

— А лонской год¹, рассказывают, косняков сгубили. Это дело — за свое добро стоять, а проезжего в куль — да в омут.

— Напраслина, Андреич! Лонской год ничего такого не было. Давно этот грех, конечно, был когда-то, не скрою, переходца сибирского порешили. Ну, да то человек разве? Такая зверина. Он тебя в урмане-то сам за ломанный грош убьет. Да и давнина-то это стародавняя. А про ярославцев зря толкуют. Они сами кого хошь обидят! Ну, дело молодое, наши ребята разбаловались, да и шибанули их... Только все обошлось. Заказали им стороной ездить. А чтоб не забыли заказа, отвезли в деревню да при народе маленько постегали...

— А товар отняли?

— Да какой же у них товар! Кольца, ножи да косы. Одно слово, что товар. Пятеро купцов на пустом возу товар везли...

¹ *Лонской год* — прошлый год.

— Что же с тех пор косняки в Низовку не заглядывают?

— Все равно бывают, везут! Приедут, нашумят, накричат, а после скот падает, коровыдохнут... Ехали как-то Великим постом трое. «Откуда?» — спрашиваем. «Елабужские, — говорят, — синильщики, едем к башкирам холсты красить», — «А где же куб у вас, в чем синить-то будете?» — «Куб, — говорят, — у нас еще с прошлого лета у башкиров остался. Там вся красильня». Ну и не стали мы их задевать.

Не согрешили в Великий пост. А после, язви их в душу, мор на скотину напал. Напустили! Вот и не трогай их в другой раз! Знаешь, переходцы всякие бывают. Иной только зовет себя торговцем и разговором на офеню похож, а на самом деле вор, конокрад, или с дурным глазом, или болезнь у его на лошади. Нечистый-то дух тоже не дремлет! Оттого, Андреич, нам полный расчет иметь своего купца, чтоб чужие мимо Низовки не шатались. Мы бы их живо отвадили. Есть, конечно, и в Низовке охотники торговлю открывать. Только дело это неспособное, какие они торгаши! Да и собираются долго. Вот один из ярославцев у нас на богатой девке женился. Смотри, упустись, большого дохода лишишься. — Старик отвернулся и стал править на переезде через ключ. — Думай, Андреич... Санка твой сколько ни ездил к нам, цел остался. Расчет у нас лавку ставить.

— Обдумаю, после в Низовку заеду, на месте потолкую со стариками.

«Дернуло Могусямку не вовремя бродить возле тракта, — думал Захар. — Долго его не было, а нынче опять объявился. Конечно, ежели у них, как Трофим говорил, промеж себя неспокойно, то обоз пройдет, хотя случиться может всякое. Надежда на Санку с мужиками. Я еще подумаю, да, может, найму людей, да сам выеду обоз встречать. Могусямке мой товар не надо бы трогать. Он в лав-

ку ко мне ходит, хорошо мы с ним обходились. С Санкой они чуть не приятели, и меня он знает».

...Однажды летом в магазин Захара явился Могусюмка. Он высокий, смуглый. Вошел и уставился как вкопанный на товары. Санка заметил его и учтиво спросил:

— Чего вам показать?

Башкирин помолчал и, склонив набок голову, приглядывался к штучке дорогого малинового шелка. Приказчик снял ее с полки и развернул чуть ли не во весь прилавок.

У Могусюмки глаза блеснули. Лицо его, круглое, доброе и серьезное, зарделось.

— Сколько аршин отрезать? — весело спросил Санка.

Могусюмка посмотрел на приказчика, потом на Захара и задумался, наморщив лоб. Вдруг он повернулся и спокойно пошел из лавки: видно, был не в духе.

— Эй, стой, обожди! — крикнул Санка. Бойкий торгош, он никого не боялся, когда имел хороший товар под рукой, и не желал упускать случая познакомиться поближе с Могусюмкой, чуя, что дружба с ним пригодится. — Поди-ка сюда! Да иди, иди, подходи, не бойся. Акша йокх?¹

— Йокх! — решительно ответил Могусюм и покосился на шелк. В добром и кротком на вид башкирине трудно было угадать отважного удалца.

— Ну ничего... Мы тебе желаем уважение сделать, как много слышали про тебя. Я тебе отрежу материи, а деньги, когда будут, привезешь или передашь мне через своих. Ты только посмотри, ну, посмотри, какой товар! Якши, что ль?

— Ладный! — мотнул головой башкирин.

Санка отрезал конец в аршин десять, свернул, подал:

— Держи, скоро бусы привезем, кольца... Приходи бабе выбирать...

Так и отпустил Санка на свой риск десять аршин малинового шелка. С тех пор Булавин не видал Могусюма.

¹ Денег нет?

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЗАДОРНОВ
МОГУСЮМКА И ГУРЬЯНЫЧ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Алиса Павлова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.08.2026.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-LMR-43406-01-R